

небо раскидывалось надъ ихъ головами. Сельскій ландшафтъ смутно говорилъ о наступающихъ святочныхъ увеселеніяхъ, недоступныхъ для лондонца, лишеннаго возможности провести Рождество въ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе веселящихъ душу.

Маркъ зналъ, что онъ долженъ будетъ провести праздникъ въ Лондонѣ въ кругу семейства, строго соблюдавшаго воскресный день, и отказаться отъ всякой мысли объ увеселеніяхъ. Однако, и его радовало наступленіе Рождественскихъ праздниковъ, а быть можетъ, то было дѣйствіе погоды, или же молодости и здоровья, но только съ каждымъ шагомъ недовольство его разсѣвалось.

Дядюшка Соломонъ облекся въ толстое, драповое пальто и широкополую шляпу такого духовнаго характера, что это отражалось на его разговорѣ. Онъ заговорилъ о ритуализмѣ и сожалѣлъ о томъ, что викарій заразился имъ, и о тайныхъ интригахъ ненавистнаго Гомпеджа.

— Я родился баптистомъ, — говорилъ онъ, — и вернулся бы къ нимъ, еслибы они не были такимъ нищенскимъ сбродомъ.

Въ такихъ разговорахъ они дошли до церкви, и дядя Соломонъ произнесъ громкимъ шопотомъ:

— А вотъ и онъ самъ, Гомпеджъ!

Маркъ во-время оглянулся и увидѣлъ стараго джентльмена, направлявшагося къ скамейкѣ, расположенной напротивъ ихъ собственной. Старый джентльменъ казался на видъ очень сердитымъ. У него было желтое лицо, длинные сѣдые волосы, большіе сѣрые глаза, крючковатый носъ и крупные зубы, виднѣвшіеся изъ-подъ сѣдыхъ усевъ и бороды.

Марку вдругъ стало неловко, потому что сзади м-ра Гомпеджа шла хорошенькая дѣвочка съ распущенными бѣлокурыми волосами, и высокая женщина въ сѣромъ платьѣ, съ свѣжимъ лицомъ, и наконецъ дѣвушка лѣтъ девятнадцати или двадцати, которая повидимому услышала слова его дяди, такъ какъ проходя взглянула въ ихъ сторону съ выраженіемъ забавнаго удивленія въ глазахъ и чуть-чуть приподнявъ свои хорошенькія брови.

Какъ разъ въ эту минуту раздался громкій „аминъ“ изъ ризницы, органъ заигралъ гимнъ, и викарій съ своимъ помощникомъ выступилъ позади процессіи небольшихъ, деревенскихъ мальчиковъ въ бѣлыхъ стихаряхъ и сапогахъ, скрипѣвшихъ самымъ не набожнымъ манеромъ.

Въ качествѣ приверженца нижней церкви м-ръ Лайтовлеръ протестовалъ противъ этой профессиональной пышности громкимъ храпомъ, который повторялся у него всякій разъ, какъ клерджи-